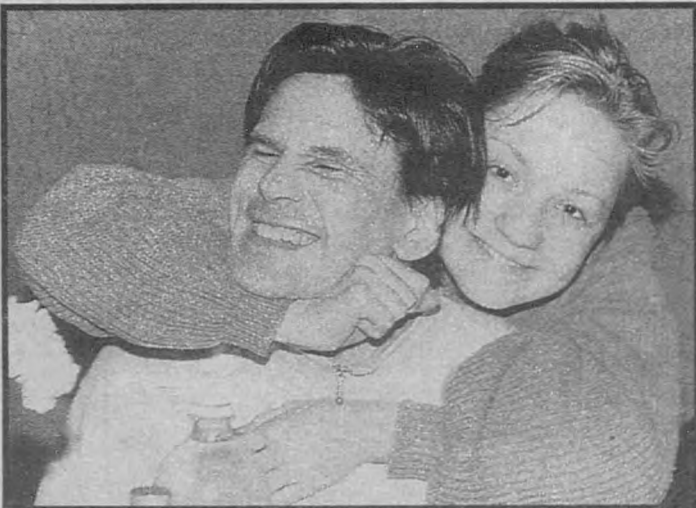

ПЕВИЦА
ГОДА

6 □ Собеседник 50'94

Все-таки иногда она улыбается.
Татья Буланова — с мужем Николаем Тагриным.

О ЧЕМ, ДЕВА, ПЛАЧЕШЬ?

Татья Буланова — певица номер один отечественного хит-парада 1994 года

По гороскопу — РЫБА. Не любит цветы (что для красивой женщины все-таки странно), которые ей часто дарят (что для певицы Булановой нормально). Народ ее обожает, музыканты посмеиваются. Но музыкантов мало, а народу много! Народ плачет над ее жалостными песнями и скупает ее кассеты в таком количестве, что в прошедшем году она вышла в число лидеров в самом показательном хит-параде.

— Рыбы — знак жертвенности и страданий. К вам это имеет отношение?

— Я знаю, что Рыбе, как всем водным знакам, свойственна жертвенность. Скорпион жертвует всем ради уничтожения своих врагов, Рак — ради семьи, а Рыба — ради профессии. Вот это ко мне подходит. Я пока жизнь посвящаю достижению этой цели, сцене. Вплоть до того, что своих родных не вижу, часто не бываю дома. Хотя ужасно страдаю от разлук с сыном.

— Рыбы — знак суверенный, их озаряют предзнаменования и прочее. У вас такое было?

— У меня были вещие сны — получала информацию, о которой узнавала в реальной жизни гораздо позже. Помню, был концерт, где мы «разогревали» «Кар-мэн». Я почему-то очень боялась, были дурные предчувствия, ночь не спала. В итоге мы провалились. Больше я такого животного страха не испытывала, хотя волнуюсь всегда. У меня очень хорошо развита интуиция. Я чувствую человека, знаю, когда он говорит правду, а когда нет. Хотя об этом я молчу как Рыба.

— Как случилось, что Рыба выплыла на сцену?

— Случилось это в декабре 1989 года, когда мы записали несколько песен и выпустили свой первый альбом. Тогда это было легче — студия стоила гроши. К тому времени я ушла из Института культуры, где училась на библиотечкаря, и поступила в школу-студию при Петербургском мюзик-холле. Начались гастролы, я стала пропускать занятия, опаздывать. В результате пришлось оставить и это заведение. Когда я уходила, ни группу «Летний сад», ни меня никто еще не знал.

— По продаже вы абсолютный лидер. Можно ли сказать, что вы сейчас на пике славы? Вы чувствуете верхнюю точку?

— Вообще-то нет. Мне не нравится, когда обо мне говорят: звезда. Это подразумевает какой-то... конец. Я же только набираю силу.

— А вдруг судьба так распорядится, что это и есть пик в карьере? Вы готовы принять падение?

— Я никогда не закидывалась на том, чтобы стать звездой. Знают какое-то количество людей — и ладно. Мне нравится сам процесс творчества. Когда мы записываем новый альбом, я уже думаю о следующем. Само творчество захватывает. А то, что я стала нравиться народу, получилось как-то само собой.

— Не само собой. Попытаюсь докопаться. Я вижу, что вы находитесь на гребне, потому что нашли свою нишу: не голосом уникальным, не музыкой необычной, а образом брошенной женщины-матери. Потому что у нас таких много. Потому

что у нас 80 процентов населения таким образом страдает. Так?

— Не так. Потому что 80 процентов репертуара всех наших исполнительниц — о несчастной любви. Будь то Пугачева, Аллегрова или Ротару. А у меня, кстати, не только такие песни. Петь о счастье не принято. Счастье хочется переживать одному, и когда человек счастлив, ему ни до кого нет дела — ему и так хорошо. Вот когда грустно, то хочется с кем-то разделить беду. Счастьем же не делятся. Поэтому я не заполняла никакую нишу — она давно была заполнена. Скорее — это какое-то знамение, судьба. Поэтому я ни от чего не зарекаюсь и не говорю, что будет дальше. Я принимаю все как есть, пою, творить пытаюсь. Все время идет работа. Конечно, очень здорово, что это нравится не только нам.

— Ваши песни «едут» на чувства. А в плане вокала вас все устраивает? Стоит работать и искать что-то новое?

— Именно в вокале ничего искать не стоит. Мне пытались ставить голос, но ничего из этого не получилось. Я как пою, так и пою и переделывать ничего не хочу. Хотя каждый альбом я исполняю немного по-другому. И частенько бываю недовольна записями.

— Бывает. Это, конечно, очень тяжело. Помню, мы двое суток ехали в Сочи, и это была такая «доставка»... Стучали в купе постоянно, сначала просили автограф, потом сфотографироваться. А представь, как выглядишь, когда двое суток в поезде. Вообще меня узнать трудно, но как-то все быстро разносится, хотя мы никогда себя не афишируем. В жизни я стараюсь, чтобы меня не узнали — когда иду в магазин или стою в очереди.

— А сын маму узнает после долгих разлук? С кем он остается, пока мама на гастролях?

— Все на плечах бабушки. Маме очень тяжело, но она болеет за меня душой, и вдохновение ее поддерживает. А также дедушка — мой папа. Это они растят ребенка.

— То есть не будь у вас таких помощников, возможно, творческой карьеры не было бы?

— Скорее всего придумала бы что-нибудь, няньку нашла бы. Но сцена перетягивает. Это был бы, конечно, худший вариант, но я нашла бы выход. Мне кажется, если я себя пишу сцены, я погибну.

— От ваших поклонников часто посту-

— Группа «Летний сад» существует или это музыка, заряженная в компьютер?

— Это группа из пяти человек. Николай Тагрин — руководитель, аранжировщик, компьютерщик; Андрей Боголюбов — автор текстов и композитор, Коля Каблуков — бас-гитарист, Мишенька Никифоров — барабанщик. При записи альбомов вовсю идет компьютер, даже гитара — компьютерная. А с приходом Коли Каблукова гитара стала «живой». На концертах «живьем» работаем процентов на 60.

— Как часто у вас бывают гастролы?

— Не так часто, как раньше, но бывают. Все еще осложняется тем, что я не летаю самолетом. Я боюсь. Не знаю, с чем это связано.

— И в результате вся группа вынуждена тащиться поездом?

— Наоборот, все летят самолетом, а я тащусь поездом.

— Пассажиры не пристают?

— лают предложения выйти замуж?

— Ни разу. Наверное, не каюсь. На самом деле жизнь у меня такая, что не каждый мужчина выдержит. Дома практически не бываю, а если и бываю, то мысли далеко. Нормальные мужчины этого не поймут.

— Домашние дела какие-то любите делать?

— Когда отдохну, люблю наводить порядок. Готовить — извините. Я люблю готовить быстро — картошку пожарить, и получается, кстати, вкусно. Но разводить хозяйство, пироги ставить...

— Дамы народу много бывает?

— Вообще не бывает. Я замкнутый человек по жизни, и не очень люблю, когда вторгаются не вовремя, когда я никого не хочу видеть. Такая уж у меня психология. А потом я суверенный человек, трепаться не люблю...

— Селазить боитесь?

— Не только. Просто считаю: если у меня

хорошо, это не значит, что у остальных — тоже. Своими радостями с кем-то делиться — кощунственно. А горем — неприлично. Доверяю только себе. Друзей настоящих у меня нет.

— Вы всю жизнь сами себе доверяли или вас жизнь этому научила?

— Трудно сказать. Наверное, здесь все решает интуиция. Хотя бывали случаи, когда мои понятия ломали. Например, я всегда носила длинные волосы. Потом случайно, прямо со съемок новогоднего «Огонька» меня подхватили — и к Рафу Сардарову. А он меня сразу под кран, обрезал мои пышные длиннющие волосы, постриг, перекрасил, дал какой-то костюм. Я стала совсем другой, переживала, но наступил какой-то перелом. Теперь ношу с удовольствием стрижку, парик. Но в костюмах я как-то больше своему вкусу доверяюсь.

— Несмотря на молодость, в жизни у вас много всего было. Жизнь вас часто ломала. Не просто учила, а именно — ломала?

— Вообще я человек осторожный. И если были какие-то ошибки, то не от безрассудства, а от несоответствия характера. На безрассудства я не способна, ничего не делаю сплеча голову, напролом.

— Необычный для других, но традиционный для вас вопрос: когда Татьяна Буланова перестанет плакать?

— Не знаю. У меня все зависит от настроения. Бывает, хочется забиться в уголок, чтобы не видел и не слышал никто. Но бывает и подъем настроения. Но мне кажется, что этот подъем скорее маска, защита какая-то. А дома я вообще часто люблю поплакать, когда наедине с собой остаюсь. Какой-то выход энергии идет.

— Каким мужчинам вы бы разрешили ухаживать за собой?

— Приличным, порядочным. А если серьезно, то никаких не надо. Потому что если предложения будут, то они будут артистке Булановой, а не женщине. А это разные вещи.

— Одно от другого теперь отделить трудно?

— Просто люди мифы себе придумывают. На сцене артистка, а в жизни все по-другому.

— И от этого тяжелее или легче?

— Я привыкла. Я — самостоятельная, никто не мешает. Спокойно можно принять решение.

— Таким образом, жизнь на сцене — это и есть личная жизнь?

— Да.

— И так у многих артисток?

— У большинства. У женщины-артистки нормальной семейной жизни быть не может. У мужчин-артистов другое дело: дом, семья, жена на кухне. А из артистки какая хозяйка?

— У богатых артисток есть прислуга на этот случай.

— Богатыми становятся лет через 15—20.

— А вы деньги пока на другое тратите — на сцену. Съемки как часто бывают?

— Как заплатишь, так и часто. Эфир стоит сумасшедших денег. На Западе — там наоборот: популярному артисту могут и приплатить. С «АРСом» хоть работать надежно: заплатил деньги, подписал контракт и можешь быть уверен, что тебя не «кинут». А с «50х50» мы больше не работаем — «кидают» как на концертах, так и на съемках.

— А спонсор?

— Вот тоже парадокс: его нет. Мы сняли один-единственный клип — в монастыре, да и то со сложностями. Спонсоры, которые обещали дать денег, посмотрели его и сказали: нет, пусть вам его церковь оплачивает. И дали только половину. Остальную половину мы отдавали по частям бедному режиссеру из своего кармана. А стоил он где-то 15—17 тысяч долларов. Это был кошмар! И так все время. Еще и за показ плати.

— Вы готовы положить личную жизнь за спонсора? То есть попросту взять и... переснять?

— Нет, я не могу. Я к этому так серьезно отношусь — не к спонсору, а к тому моменту, чтобы жизнь положить за клип. А потом коллектив у нас морально устойчивый, он этого не допустит. Я на сцене такая же, как в жизни.

С Танией плакала
Людмила ДРУЖИНИНА.
Фото Елены СУХОВОЙ.